

Коранические истории: Бог, Откровение и аудитория

Издательство Эдинбургского университета, 2021. 175 страниц.

ЛЕЙЛА ОЗГУР АЛХАССЕН (LEYLA OZGUR ALHASSEN)

Данная монография является ярким дополнением к растущему количеству исследований Корана как литературного текста. Заявленный акцент делается не на теологии, а на географии. Прочитируем Джека Майлза, который ввел термин география: «В то время как теология обычно использует сложные инструменты философии, география тяготеет к более удобным и дескриптивным инструментам литературной оценки и, в какой-то степени, даже к инструменту биографии. Вместо того чтобы пытаться утверждать значимость божественного персонажа в философских терминах, география более чем скромно стремится *встретить* его так же легко, как можно встретить героев на страницах литературного произведения» [*God in the Qur'an* (Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 2018), 17].

Алхассен использует географию с другой целью. В то время как Майлз исследует сравнительные аспекты библейских и коранических историй, применяя инструменты географии, Алхассен намеревается исследовать Коран как нарративный перформанс в его собственных терминах. Ее подход сосредоточен на Боге как повествователе в трех ролях или, как она говорит, на трех уровнях: Бог как повествователь для широкой аудитории, Бог как повествователь для Пророка Мухаммада, а затем Бог как персонаж, взаимодействующий с другими

персонажами. Используя термины, знакомые тем, кто изучает коранический комментарий (*тафсир*), Алхассен применяет метод анализа, известный как *тафсир ал-кур'ан бил-кур'ан* (комментарий Корана Кораном и через него). Она не забывает и о предшественниках, начиная с наиболее ранних (ат-Тустари), и вплоть до современных практиков (Сайид Кутб), но сосредоточена прежде всего на том, каким образом строятся определенные истории и каковым является сообщение, прежде всего литературное и перформативное, в их структуре.

Содержание этих рассказов является выборочным. Внимание заостряется на трех персонажах: Мария, мать Иисуса, Иосиф и Моисей. В каждом случае цель заключается в том, чтобы предоставить стилистические особенности из коранических сур, которые содержат ссылки на другие суры, стимулируя дальнейшее чтение, но также и смирение в отношении степени человеческого постижения, дозволенной Повествователем. Выражаясь простым языком, Алхассен надеется проиллюстрировать, как Бог распоряжается — или манипулирует — откровением, обнаруживая и утаивая, раскрывая и скрывая Свои намерения. Каждая глава демонстрирует неоднозначность и амбивалентность божественного замысла. Первая глава называется «Знание, контроль и согласованность в *Сура Ал 'Имран* 3:33-62». Она включает в себя необъяснимые скачки во времени, то есть дизъюнктуры и апории. Хотя они могут сбивать с толку, они согласованы в консонансе между читателями и персонажами и даже между читателями и Богом, побуждая читателей искать в другом месте Корана ответы на свою озадаченность. Точно так же во второй главе «Бог, семьи и секреты в истории из *Сура Мар'ям* 19: 1-58» мы обнаруживаем, что структура этой истории еще раз усиливает привилегированное и всеведущее положение Бога настолько, что Бог как повествователь также становится частью истории, которую Он Сам раскрывает. Глава третья в некотором роде является наиболее явной демонстрацией намеренного заигрывания Бога с читателем/слушателем. Она сосредоточена на «Доказательстве, суде и раскаянии в *Сура Йусуф*». В то время как многие комментаторы из всех сил пытались понять некоторые особенности текста, Алхассен объясняет, что божественное намерение превосходит и отменяет все человеческие заботы в *Сура Йусуф*. «Бог центрирует Себя в этой истории: все, что имеет значение, — это Божье прощение, истина и приговор; человеческие представления о доказательствах, вине и раскаянии не имеют значения» (10). Четвертая глава обращается к

Моисею и представляет собой еще один поворот в нарратологической стратегии географии. «Слияние слов и создание связей в *Сурат Таха*», как и продолжающая ее пятая глава «*Сурат ал-Касас* и ее аудитория», выдвигает на первый план Бога «как всеведущего и надежного повествователя», который иногда утаивает информацию от читателей или заставляет их упорно трудиться, используя утонченный язык» (10). В каждом пункте внутритекстуальное свидетельство подтверждает намерение Бога как заинтересованного, но сдержанного повествователя, который «предоставляет новые, а иногда и исключительные подробности, а также представляет новые тайны», «тайны, предназначенные для того, чтобы удерживать аудиторию на своем месте» (11).

Возможно, наиболее сильным и, безусловно, наиболее новаторским элементом ее анализа является вновь обращенное внимание на замысел открывающих, разрозненных букв, *хурӯф ал-муқатта'āt* или *фавāтих ас-сувар*, которыми отмечены 29 сур или примерно четверть всего корпуса Корана. Несмотря на то, что некоторые комментаторы, как мусульмане, так и немусульмане, отказываются от их обсуждения или приукрашивают их толкование, Алхассен видит их как часть божественной стратегии «утаивания информации от читателей для того, чтобы сделать определенные теологические выводы» (77). Это очевидно в нескольких историях, которые она анализирует, но особенно в *Сурат Йўсуф*. Как и в других сурах, начинающихся с этих разрозненных букв, они появляются в начале, чтобы подчеркнуть авторитетное послание, которое за ними следует, так что первые три стиха *Сурат Йўсуф* читаются (в переводе Абдел Халима 2010 года, который она предпочитает на всем протяжении книги):

12: 1 *Алиф Лам Ра*. Это – знамения книги ясной.

2 Мы ниспослали ее в виде арабского Корана, – может быть, вы (люди) уразумеете!

3 Мы расскажем тебе [Пророк] лучшим повествованием, открыв тебе этот Коран, хотя раньше и был ты из числа беспечных.

Далее она исследует логику постепенного раскрытия, начиная с «букв, которые составляют слова (12: 1), затем сужается до арабского Корана (12: 2) и, наконец, еще больше сосредотачивается на историях в Коране или на этой конкретной истории (12: 3)» (78).

Неясно, обладают ли *муқатта‘āt* такой же объяснительной силой в других сурах, в тех, которые раскрывают коранические истории о Марии и Моисее в главах 3, 5 и 6. Об их функции в Коране 19: 1 нам просто сказано то, что Шавкат Турава в своем новаторском исследовании этой суры продемонстрировал, что пять разрозненных букв здесь отличаются от других разрозненных букв в Коране, потому что они уравнивают орнамент ритма остальной части суры (46–47), но теологический момент остается неясным. В главах 5 и 6 со ссылкой на повествование о Моисее в *Сурат Тāхā* (Коран, 20) и *Сурат ал-Қаҫаҫ* (Коран, 28) *муқатта‘āt* не обсуждаются, хотя другие интересные моменты исследуются с увлекательной, зачастую убедительной пронизательностью. Чего не хватает, так это какой-либо ссылки на другое объяснение этих открывающих букв, предложенное Мухаммадом Асадом, а именно, что в некоторых случаях, включая *Сурат Тāхā*, буквы могут означать разговорный оборот речи в доисламских арабских диалектах, в данном случае *mā хā*, означающее «О, человек» (Asad, *The Message of the Qur’an* 225, n.1).

Однако недостаток в этом вопросе не существенен по сравнению с продвижением в переосмыслении литературного качества и авторского замысла Корана как божественного знания. Теологические заявления в применении Алхассен слегка переформулированы: Бог Всемогущ, но не Капризен. Он скрывает, чтобы вовлечь и воодушевить читателя. Хотя сохраняется центральный конфликт между верующими и неверующими, инсайдером и аутсайдером, по поводу коранического послания и миссии Мухаммада, Алхассен снова и снова демонстрирует, как литературный анализ, и только литературный анализ, может выявить более глубокие уровни смысла и стимул для веры/повиновения, лежащие в основе коранического корпуса. Хотя в этом начинании есть множество предшественников, некоторые из которых упомянуты наряду с Сайидом Кутбом, Алхассен хочет подчеркнуть, что литературный анализ вовсе не устраняет и не ослабляет, но, наоборот, поддерживает теологическую цель. Как она заключает, «нарратологический, семантический и риторический подход дал новое понимание коранических историй, показав, как они продвигают общие метафизические и этические послания Корана» (159). Для всех читателей этого необычного перформативного текста, независимо от их бэкграунда, мотивов или мировоззрения, истории оживают благодаря свежему, бодрящему и увлекательному анализу, одновременно исследовательскому и

всестороннему. Хотя это исследование не заменяет или устраняет необходимость в комментариях к Корану (*tafsīr*), оно расширяет диапазон интерпретационных возможностей и, таким образом, усиливает привлекательность основополагающего текста.

БРЮС Б. ЛОУРЕНС

ПОЧЕТНЫЙ ОТСТАВНОЙ ПРОФЕССОР ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НЭНСИ И
ДЖЕФФРИ МАРКУС В ОБЛАСТИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ, УНИВЕРСИТЕТ ДЬЮКА.
ДАРЕМ, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

doi: 10.35632/ajis.v38i3--4.3448